

Давидъ въ пустынь Зифъ.

Давидъ же пребывалъ въ пустынь
въ неприступныхъ мѣстахъ и потому
на горѣ въ пустынь Зифъ.

(I Кн. Цар. Гл. 23, ст. 14).

Противъ кого вышелъ царь Израиль-
скій? За кѣмъ ты гоняешься? За мерт-
вымъ псомъ, за одною блохою. Го-
сподь да будетъ судьей, и разсудитъ
между мною и тобою. Онъ расмо-
тритъ, разберетъ дѣло мое и спасетъ
меня отъ руки твоея.

(I Кн. Цар. Гл. 24, ст. 15-16.);

I.

Давидъ блуждалъ въ пустынь. Лѣсъ дубовый
Вокругъ него шумѣлъ; густая мгла
На землю ниспадала; на суровый
Гахила холмъ ночная тѣнь легла.
Съ тоской въ груди онъ вспоминалъ былое,
Когда онъ въ Виелеемѣ пасъ овецъ,
И какъ забилось сердце молодое
Въ тотъ день, когда позвалъ его отецъ
И въ станъ послалъ. «Хлѣбы и зеренъ ефа,
Вотъ пища братьямъ». Ношу эту взявъ,
Пошелъ и видитъ, — великанъ изъ Геа,
Единоборецъ, дерзкій Голиаѳъ
Изъ ряда Филистимлянъ выступаетъ;
Поноситъ онъ Израиля сыновъ
И Бога онъ живаго проклинаетъ
За честь своихъ языческихъ боговъ.
О, что за мигъ то было, когда пращею
И камнемъ въ лобъ онъ поразилъ врага,
Когда неслись ликуя надъ землею
Побѣды крикъ и свѣтлый звукъ рога.
И онъ предсталъ передъ царемъ близъ стана.

«Чей сынъ ты?» спросилъ его Сауль.

Онъ руку съ головою великана

Передъ царемъ, въ крови всю, протянулъ

И отвѣчалъ, что сынъ онъ Иессея.

Раба его. И съ этого же дня

Жилъ при царѣ. Мечтать о томъ не смѣя,

Онъ скоро зятемъ сдѣлался царя.

Господь его Своею благодатью

И милостью Своей благословилъ:

Онъ призванъ былъ начальникомъ надъ ратью;

Его народъ Израильскій любилъ;

Но больше всѣхъ, какъ собственную душу,

Его любилъ царевичъ Ионаѳанъ;

Моря ты проплывешь, объѣдемъ еушу

И постишь безвестных много стран,
Но не найдешь такой души высокой,
Такой прекрасной, чистой, как его.
О, Ионаан! лишь в той странѣ далекой,
Въ надзвѣдномъ храмѣ Бога моего,
Какъ любишь ты меня, любить умѣють:
Любовью безкорыстной, неземной;
Въ ея объятяхъ души пламенѣють
И дышать вѣчно юною весной.
Такъ вспоминалъ Давидъ въ лѣсу дремучемъ,
Вдали отъ всѣхъ, въ нѣмой пустынѣ Зифъ;
И слезы изъ очей потокомъ жгучимъ
Онъ проливалъ; и взоры устремивъ
Въ глубь ночи, точно видѣлъ онъ невольню,
Какъ передъ нимъ открылась тайно дверь
Къ тому, о комъ ему такъ думать больно,
Изъ-за кого въ изгнаньи онъ теперь.
Да, онъ любилъ, любилъ царя Саула!
О, сколько разъ онъ любовался имъ,
Когда взявъ мечъ, среди враговъ и гула,
Царь воевалъ, какъ Божій херувимъ.
О, что за радость вмѣстѣ съ нимъ сражаться,
И гнать враговъ народа своего!
За Бога, Саваога подвизаться,
На полѣ брани прославлять Его!
О царь, зачѣмъ возникло подозрѣнье
Въ твоей груди? Безумной злобы духъ
Къ тебѣ сошелъ, и на меня гоненье
Воздвигнулъ ты; но развѣ я твой слухъ
Не улаждалъ игрой на арфѣ нѣжной?
Не пѣлъ тебѣ священные псалмы,
Чтобы тебя шеола *) духъ мятежный
Не угнеталъ подъ грозной властью тьмы?
О, почему, мучимый тайнымъ страхомъ,
Неодолимой завистью ко мнѣ,
Меня смѣшать съ земнымъ ты жаждалъ прахомъ,
Копье вонзить стремился въ сердце мнѣ?
Но вотъ и здѣсь, среди нѣмой пустыни
И неприступныхъ дикихъ этихъ горъ,
Люблю тебя, Саулъ, еще и нынѣ,
И все тебя еще мой ищетъ взоръ.
Зачѣмъ тебѣ гоняться за блохою,
За мертвымъ псомъ? Господь пусть разберетъ,
Пусть Онъ судья между тобой и мною;
Меня Онъ, отъ руки твоей спасетъ.
Такъ говорилъ Давидъ, въ тиши, вздыхая;
Людей его давно сковалъ ужъ сонъ...
— Пустыня не отвѣтила глухая
На крикъ души и сердца тяжкій стонъ.

И всталъ Ионаанъ, сынъ Саула, и
пришелъ къ Давиду въ лѣсъ, и
укрѣпилъ его упованіемъ на Бога
(I Кн. Цар. Гл. 23 ст. 16.)

II.

Минула ночь, и первый лучъ денницы
Блеснулъ на небѣ, озаривъ Востокъ.
Зашевелились въ чащѣ лѣса птицы;
Казалось, громче зажурчалъ потокъ.
Страхнула сонъ безмолвная пустыня,
И трепеть жизни пробѣжалъ по ней;
Туманы закурились... какъ свѣтыни
Изъ неприступныхъ скалъ, сѣдыхъ камней,
Рукою Бога созданная въ мѣрѣ.
Подъ крыльями летящихъ тихо тучъ
Стояли горы, въ утреннемъ эфирѣ,
Приготовляясь встрѣтить солнца лучъ.
И вотъ, облитый розовой зарею,
Какъ свѣтлый ангелъ горнихъ неба странъ,
Давидъ, дивясь видѣть,—надъ скалою
Идетъ, спускаясь къ лѣсу, Ионаанъ.
«Что это? сонъ? безплотное видѣнье?
Иль это ты, прекрасный, вѣрный другъ?»
Вскричалъ Давидъ; и радость и сомнѣнье
Боролись въ немъ; онъ сердцемъ, полнымъ мукъ,
Царевичу навстрѣчу устремлялся.

вѣтви дуба стараго надъ нимъ,
авѣтливо качались. Разгорался
потокъ все ярче... словно Серафимъ
эи поднялъ щитъ,—сверкая надъ землею,
вѣтло дня торжественно взошло;
мѣръ облекся ризой золотою,
въ мрачной чащѣ сдѣлалось свѣтло.
вмѣстѣ съ солнцемъ, полонъ Божьей силы,
дула сынъ взошелъ подъ сводъ дубовъ.
акъ въ глубину таинственной могилы
роникшій съ неба животворный зовъ,
акъ голосъ друга сладостной струною
ткнулся въ душѣ его больной;
слушалъ онъ съ отрадою живою,
къ нему на грудь склонившись головой.

«Мужайся, уповай на Бога,
Тебя рука Саула не найдетъ;
Зачѣмъ томить тебя тревога?
И для чего тоска гнететъ?
Ужель забылъ слова пророка,
О чемъ вѣщаль великій Самуиль?
Да, кара Господа жестока:
Господь Саула отстранилъ.
За то, что царь, тая лукавство,
Отвергнулъ слово Бога своего,
Отвергнуть онъ. Получить царство
Тотъ, кто достоинѣе его.
Ты сядешь на престолъ Саула,
А я вторымъ лишь буду по тебѣ,—
Такъ Богъ рѣшилъ. Не обманула
Насъ Божья воля; и Себѣ
Всевышній вѣренъ пребываетъ;
Не человекъ Господь нашъ Саваоѣ:
Нѣтъ. Богъ раскаенія не знаетъ,
Не рекъ напрасно вѣчныхъ словъ.
Саулъ, отецъ мой, знаетъ это,
И потому тебя боится онъ;
Въ груди его все мглой одѣто;
Не разъ его я слышала стонъ,
Когда, мучимый злобы духомъ,
Въ безсильи царь подъ игомъ изнывалъ.
Ему внимала я скорбнымъ ухомъ
И болью сердца отвѣчала.
Мужайся силой Иеговы,
На крыльяхъ вѣры смѣло подымись,
Сбрось страхъ земной, души оковы,
Съ хвалою къ Богу обратись!
Блаженъ, кто Господа боится,
Кто любить заповѣдь Его;
Родъ праведныхъ благословится,
Сойдетъ обилье на него.
Во мракѣ свѣтъ ему сіяетъ,

И врагъ его не утрашигъ;
Молва худая не пугаетъ;
Богъ сѣмя вѣрныхъ утвердитъ.
Къ горамъ мы воздвигаемъ очи,
Откуда помощь къ намъ придетъ;
Въ часъ свѣтлый дня, во мракѣ ночи
Господь хранить насъ и ведетъ».

Завѣтъ они предъ Богомъ заключили,
И Ионафанъ вернулся въ домъ отца;
Его слова Давида окрылили,
И долго онъ въ лѣсу хранилъ Творца.
Среди борьбы и вихря жизни бурной
Въ душѣ его вновь вспыхивалъ порой,
Какъ солнца лучъ въ странѣ небесъ лазурной,
Гдѣ царствуетъ торжественный покой,—
Тотъ даръ любви въ тяжелый часъ страданья
Въ пустынѣ каменной и нѣмой...
—А ты, встрѣчала-ль состраданье
Въ пустынѣ міровой?

М. П. Мясодовой :

О, міра спасеніе!

О, міра спасеніе! любви великой море!
О, милость Христова, намъ данная съ небесъ,
Насъ всѣхъ одолѣли грѣхи, страданье, горе,
Но нашъ Спаситель умеръ,
И Онъ за насъ воскресъ!

Грѣховъ моихъ много и совѣсть омрачилась,
И горьки тѣ слезы, что проливаю я;
И знаю, съ Голгофы для грѣшника пролилась
Изъ сердца Иисуса
Кровавая струя.

О, даръ несравненный, даръ жизни и блаженства,
«Христосъ наша жизнь» ихъ пріобрѣлъ для насъ.
Онъ нашъ Побѣдитель, Источникъ совершенства,
И съ Нимъ насъ ожидаетъ
Свиданья дивный часъ.

Хочу я молиться, хочу валетѣть душою,
Хочу славословить, благодарить Христа,
Онъ Царь мой и Богъ мой, съ надеждою святою,
Иду предъ Нимъ склониться,
Къ подножію креста.

Хвала, аллилуія! мой духъ теперь ликуетъ,
Насталъ день свободы, открыта къ Богу дверь.
Весь міръ пусть ликуетъ, весь міръ пусть торже-
ствуетъ,

Да славится Сынь Божій,
Иду за Нимъ теперь.

Пророкъ.

М. П. Мясодовой;

Мысль моя, предъ Тобою, Господь, пламенѣть,
Самъ Ты зажегъ этотъ свѣтлый и чистый огонь;
Все, что земное, къ нему прикоснуться не смѣть
Ты его снова дыханьемъ божественнымъ тронь.

Выше подыметъ онъ къ небу могучія крылья,
Вихремъ священнымъ слетитъ съ Твоего алтара,
Будетъ въ безбрежномъ просторѣ пылать безъ
усилья,
Будетъ горѣть въ облакахъ и сіять, какъ заря.

Богъ мой и Царь, Ты источникъ огня вдохновенья,
Въ свѣтѣ Твоемъ вижу вѣчно сверкающій свѣтъ,
Въ свѣтѣ Твсемъ возникаютъ святія видѣнья
И оставляютъ въ душѣ своей немеркнущій слѣдъ.

I.

Человѣкъ тотъ весь въ волосахъ и
кожанымъ поясомъ подпоясанъ по
чресламъ своимъ. (IV Кн. Цар. гл. 1
ст. 8).

Изъ этого потока ты будешь пить,
а воронамъ я повелѣлъ кормить
тебя тамъ. (III Кн. Цар. гл. 17 ст. 4)

Пророкъ окончилъ долгій путь
Среди сыновъ земли священной,
Ему позволилъ Богъ взглянуть
Въ горнило тайное вселенной,
Откуда силой Божества,
По слову вѣчнаго Начала,
Возникли къ жизни естества,
Гармонія міра зазвучала,
Гдѣ первообразы толпой
Вдругъ поднялись надъ пустотою,
И гдѣ носился Духъ Святой
Среди хаоса, надъ водою.
Онъ сокровенному внималъ,
Онъ слышалъ голосъ Иеговы,
Предъ нимъ сверкали, какъ кристалль,
Земные, темные покровы.
И много онъ творилъ чудесъ—
И, властью свыше облеченный,
Огонь онъ вызвать могъ съ небесъ
На міръ, грѣхами омраченный.
Онъ больше жилъ межъ скалъ и горъ
Чѣмъ въ городахъ, въ людскомъ жилищѣ;

Онъ отвернулъ отъ міра взоръ,
И мало онъ нуждался въ пищѣ,
Его одежда ночь-ли, днемъ,
Была изъ волоса верблюда,
И поясъ кожаный на немъ,
Его постель,—каменьевъ грудъ.
И зналъ Израильскій народъ
Илью пророка изъ Галгала;
Въ дни благоденствія иль невзгодъ,
Всегда молва о немъ звучала.
Не онъ-ли грѣшному царю
Ахаву, предсказалъ засуху?
Но царь не бросилъ страсть свою,
Не внялъ пророческому духу.
Онъ продолжалъ служить богамъ,
Онъ возжигалъ во славу Ваала,
Онъ шелъ къ дубравамъ и горамъ,
А въ жены взялъ онъ дочь Еваала,
Царя Сидонскаго, и съ ней,
Онъ развращалъ народъ обѣта,
И былъ онъ хуже всѣхъ царей,
Отпавъ отъ Божьяго завѣта.
И вся страна изъ за него
Томилась знойными лучами,
Но не смущался духъ его;
Взиралъ онъ мрачными очами,
Съ улыбкой гордой на устахъ,
Въ глубь раскаленного зенита;
Съ престола онъ не сбросилъ въ прахъ
Земнаго, тлѣннаго кумира.
Но зналъ Илья, что Саваоѣ,
Великій Богъ земли и неба,
Всѣмъ уповающимъ покровъ,
Подаетъ тому воды и хлѣба,
Кто взоръ въ пустынь устремить
На Солнце Правды, въ свѣтъ Востока,
Тотъ муку жажды утолитъ
Изъ вѣчно чистыхъ водъ потока,
И воронъ, волею небесъ,
Его накормитъ въ той пустынь,—
Богъ всемогущій, Богъ чудесъ,
Дастъ миръ ему въ Своей святынѣ.

II.

И сказалъ Илія народу: я одинъ
остался пророкъ Господень, а про-
роковъ Вааловыхъ четыреста пять-
десять человекъ.

(III Кн. Цар. гл. 18, ст. 22).

Теперь ужъ недалекъ конецъ
Земной борьбы, въ дали туманной
Уже блеснуть его вѣнецъ;
Богъ ждетъ его въ странѣ желанной,

Гдѣ въ нескончаемой хвалѣ,
Огнемъ святой любви палимы,
Трепещуть въ лучезарной мглѣ
И пламенѣють херувимы.
Но взоръ отвелъ онъ отъ небесъ,
Въ душѣ бывшее вызвалъ снова;
Какъ много сотворилъ чудесъ
Черезъ пророка Іегова!
Ему Онъ власть надъ смертью далъ,
Изъ сумрачной ея темницы
Илья усопшихъ вызывалъ.
Подъ бѣдной кровлею вдовицы,
Во время голода страны,
Муку и масло онъ умножилъ;
Умершій отрокъ той жены,
Черезъ него вновь къ жизни ожилъ.
А этотъ незабвенный день,
Когда сошлись пророки Ваала?
Ужъ вечера спускалась тѣнь,
Толпа народа бушевала
Отъ нетерпѣнья, что огня
На жертву Вааль не посылаетъ;
Тогда смѣяться сталъ Илья,
И говорилъ: «О чемъ мечтаетъ,
Надъ чѣмъ задумался вапъ богъ?
Иль онъ уснулъ и не проснется?»
Сердца жрецовъ полны тревогъ,
Они кричатъ, и кровь ихъ льется
Изъ ранъ, что копьями себѣ
Они безжалостно наносятъ,
И скачутъ въ яростной борьбѣ
И все огня у Ваала просятъ.
Но вотъ настала вечерній часъ
Святаго жертвоприношенья,
Тогда Ильи раздался гласъ
Мольбы и чистаго прошенья.
Пророкъ двѣнадцать взялъ камней
Построить жертвенникъ священный
Числомъ Іакова дѣтей,
Кому сказалъ Господь вселенной,
Что будетъ именемъ его
Израиль. Ровъ вокругъ водою
Наполнилъ онъ, наливъ ее
На жертву мощною струею.
Среди языческихъ жрецовъ
Илья одинъ лишь, вѣрный Богу
Святыхъ пророковъ и отцовъ,
Народу могъ открыть дорогу.
«О Господи, Господи, Боже,
Услышь меня нынѣ въ огнѣ!»
Откройся Израилю тоже,
Какъ въ силѣ открылся Ты мнѣ.

Тебя сей народъ да признаеть,
Повѣривъ, что Твой я пророкъ,
И сердце къ Тебѣ обращаетъ
О, вѣчнаго свѣта Потокъ.
О, Богъ Авраама, Исаака,
Израиля Богъ, только Ты
Огонь низвергаешь въ глубь мрака,
И жертвы сжигаешь лишь Ты!
О, Господи, Господи, Боже,
Услышь меня нынѣ въ огнѣ!
Откройся Израилю тоже,
Какъ въ силѣ открылся Ты мнѣ».

И вотъ, съ небесъ огонь ниспалъ
И онъ святое всеожженье,
Дрова и камни всѣ пожралъ
И воду поглотилъ.—Мгновенье,—
И весь народъ на лица легъ;
Онъ воздухъ потрясалъ, рыдая,
И восклицалъ: «Господь есть Богъ»!
Толпа жрецовъ ему внимая,
Уже укрыться собралась,
Но ихъ схватили и къ потоку
Киссону, гдѣ вода неслась
Когда-то, преданный пророку,
Жрецовъ замыслившихъ отвель.
И тамъ, сорвавши съ нихъ покровы,
Илья невѣрныхъ закололъ
За правду Бога Іеговы.

... Илья взошелъ на верхъ Кармила, и наклонился къ землѣ, и положилъ лице свое между колѣнами своими.

(III Кн. Цар. гл. 18 ст. 42)

Илья Пророкъ теперь одинъ
Къ высотамъ поднялся Кармила;
У ногъ его, среди долинъ,
Толпа народа проходила.
И наклонился онъ къ землѣ,
Между колѣнами своими
Онъ положилъ лицо...

О, мнѣ

Хотѣлось-бы, Господь, съ Твоими
Великими избранниками, тамъ,
Подъ кедрами завѣтной Палестины,
Послѣдовать божественнымъ стопамъ
Того, Кто озарилъ ея долины,
Кто на крестѣ томился за враговъ,
И кто любилъ великою любовью.
Дай мнѣ, Господь, не здѣшнихъ, новыхъ словъ.
Нѣтъ, не слезами плачу я, но кровью,
Когда встрѣчаю въ этомъ мирѣ я
Вновь Каина, Іуду и Пилата;

При видѣ зла, скорбитъ душа моя,
Скорбитъ, тоской и горестью объята.
И хочется мнѣ бросить въ міръ земной
Призывъ могучій, что-бы люди-братья
Пришли-бы всѣ, безчисленной толпой
На холмъ Голгофы, въ Божіи объята,
Что-бы ненависть, корысть и буета
Исчезли-бы, и высшей благодатью
Наполнились-бы души, что-бы уста,
Запечатлѣлись Божьею печатью,
И что-бы, какъ предъ утренней зарей
Природа вся въ какомъ-то замираньи
Ждетъ восхожденья солнца надъ землей,
Такъ міръ пускай, въ молитвенномъ молчаньи,
Подъ сѣнью всепобѣднаго креста,
Готовится, въ глубокомъ упованьи,
Къ явленію Христа.

И была на Иліи рука Господня:
Онъ опоясалъ чресла свои, и бѣжалъ
предъ Ахавомъ до самаго Изрееля
(III Кн. Цар. гл. 18 ст46).

На небѣ тучи собрались,
И все померкло. Вѣтеръ бурный
Пронесся, молніи взвились,
Потухъ внезапно сводъ лазурный,
И полился обильный дождь.
Удары грома повторялись,
Въ нихъ чуждая таилась мощь,
Дубы высокіе качались;
На колесницу сѣлъ Ахавъ,
Спѣша въ Изреель; на пророкѣ
Рука Господня. Онъ бѣжавъ
Передъ Ахавомъ, весь въ потокѣ
Лучей не здѣшнихъ, проводилъ;
Вокругъ себя сіянье стеля,
Подъ вѣяньемъ небесныхъ силъ,
Царя, въ равнину Изрееля.

III.

IV Кн. Цар. гл. 2, ст. 1—16.

И сказалъ Илія Елисею: останься
здѣсь, ибо Господь посылаетъ меня
въ Веѣиль. Но Влісей сказалъ: живъ
Господь и жива душа твоя! не ос-
тавлю тебя.

(ст. 2).

Но вотъ великій день насталь,
Когда въ небесную обитель
Господь Илью призвать желаль;
Его завѣтовъ всѣхъ хранитель,
Глашатай правды вѣковой,
Его свидѣтель неизмѣнный
Почуваль вѣщею душой,
Что долженъ міръ оставить тлѣнный.
И Елисею онъ сказалъ:
«Ты оставайся здѣсь, въ Галгалѣ,
Меня-жъ въ Веѣиль Господь послалъ».
Но Елисей еще вначалѣ,
Когда призвалъ его Господь,
Сопровождалъ Илью въ пустынь,
Съ тѣхъ поръ, какъ тотъ свою милость
Ему набросилъ. Онъ и нынѣ
Его оставить не хотѣлъ
И отвѣчалъ: «Иду съ тобою,
Живъ нашъ Господь». — Уже алѣлъ
Небесный сводъ, когда съ Ильею
Они отправились въ Веѣиль.
Еще прохладой утро дышетъ;
Они прошли не много миль,
И ухо чуткое ужъ слышитъ,
Что сонмъ пророческихъ сыновъ
Идетъ на встрѣчу. Подымалось
Торжественно межъ облаковъ
И все свѣтлѣе разгоралось
Свѣтило дня, и на песокъ
Повсюду трепетали блики,
Какъ будто въ огненной рѣкѣ
Сверкали ангельскіе лики.
И юноши передъ Ильей
Склонились, полные смиренья;
И мнилось имъ, что золотой
Надъ нимъ блеститъ вѣнецъ неслѣбный.
Имъ Духъ въ пустынь предвѣстилъ,

Что Богъ зоветъ къ Себѣ пророка,
И глубже въ сердце имъ вселилъ
Видѣнья внутренняго ока.
Они молились въ тишинѣ,
Полны нѣмаго ожиданья.
Казалось, слышались однѣ
Святаго Духа воздыханья.
Казалось, воздухъ полонъ былъ
Не здѣшнихъ розъ благоуханьемъ
И вѣяньемъ незримыхъ крылъ,
Эдема вѣчнаго сіяньемъ.
«Теперь иду я въ Иерихонъ
Послушный Божьему велѣнью», —
Сказалъ Илья, и жаждалъ онъ.
Отдавшись весь благоговѣнью,
Остаться съ Господомъ своимъ
Среди пустыни одинокой;
Но Елисей разстаться съ нимъ
Не могъ; онъ вѣрою глубокой
Охваченъ былъ, и созерцалъ
Въ душѣ своей видѣнье неба,
Онъ лишь небснаго искалъ
И не земнаго жаждалъ хлѣба.
И вмѣстѣ продолжая путь,
Они пошли одной дорогой:
Путь истины единъ, свернуть
Съ прямой стези для правды строгой
Возможности нѣтъ никакой.
Кто смѣетъ ставить ей препоны
И въ мѣрѣ силы нѣтъ такой,
Что-бъ Божьи измѣнить законы.
Но вотъ опять навстрѣчу имъ
Сыны пророковъ выступаютъ;
Глаголь Иеговы былъ и къ нимъ,
Они молчатъ, но правду знаютъ.

О, только тотъ, въ комъ духъ живой,
Парящій надъ землею брешной,
Господь, услышитъ голосъ Твой
Въ самомъ себѣ и во вселенной;
Онъ узритъ образъ Божества,
Незримый для земнаго ока,
И будетъ въ немъ душа мертва
Для низкихъ мыслей и порока.
О даруй мнѣ среди тревогъ
Не потерять Тебя изъ виду,

Мой милосердный Царь и Богъ
Дай молча выносить обиду!
Дай на холодныя сердца
Мнѣ отвѣчать любовью нѣжной,
И до блаженнаго конца
Самъ доведи, что-бъ Духъ Мятѣжный,
Духъ Отрицанья, врагъ Христа,
Не сбиль меня съ Твоей дороги,
Чтобъ міра шумъ и суета
Не увлекли; иные боги,
Кумиры лживыя земли,
Чтобъ не сковали духъ свободный,
Чтобъ крѣпи міра не легли;
Чтобы Твой Сынъ Единородный
Царилъ въ душѣ моей Одинъ.
Благодарю Тебя, о Боже,
Что Онъ, мой Другъ и Господинъ;
Ты благодать во мнѣ умножи:
«Крѣпка, какъ смерть моя любовь.
Нѣтъ, не заляютъ большія воды
Моей любви. Я жажду вновь
Тебѣ отдать всей жизни годы,
Возобновить святой союзъ.
Ты мой источникъ вдохновенья;
Лишь объ одномъ къ Тебѣ молюсь,
Чтобъ годы моего служенья
Текли прозрачною рѣкой,
Что-бъ Ты моей ладьею правилъ
Твоей могучею рукой
И отъ такихъ людей избавилъ,
Что ищутъ мой разрушить храмъ,
Въ которомъ Духъ Святой обитель
Благоволилъ создать и Самъ
Исусъ Христосъ, мой Искупитель,
Со мной приходитъ вечерять.
О гдѣ-же гусли и тимпаны!
Откуда мнѣ слова тѣ взять—
И тѣ небесныя органы,
Чтобъ пѣснь новую воспѣть?
Ко мнѣ неситесь, звуки рая,
На вашихъ крыльяхъ чтобъ залетѣть
Къ Тому, Кто весь любовь святая.
О, мой Господь, Тебѣ пою,
Ты вознеси въ струяхъ ээира
Меня, какъ Ты вознесъ Илью
Въ Твоемъ огнѣ, надъ мракомъ міра.

Проси, что сдѣлать тебѣ, прежде-
нежели я буду взять отъ тебя. И
сказалъ Елисей: духъ, который въ
тебѣ, пусть будетъ на мнѣ вдвойнѣ.
(ст. 9).

Но вотъ священный Иорданъ,
Куда свой путь Илья направилъ;
Сыновъ пророческихъ тамъ станъ
Расположился. Бога славилъ
Всѣмъ существомъ своимъ пророкъ,
Онъ созерцалъ какъ-будто Бога
И говорить едва онъ могъ,
Стоя у вѣчности порога,
Но перейти рѣку Господь
Ему велѣлъ, она струилась
У ногъ его. Свою милоть
Онъ въ руку взялъ, и разступилась,
Когда ударилъ онъ, вода,
И оба по суху проходятъ:
«О, Елисей, сказалъ тогда
Пророкъ, послѣднiя приходятъ
Минуты моего бытiя;
Я буду призванъ въ мiръ нетлѣнный...
Проси, что сдѣлать для тебя,
О, братъ мой, въ этотъ мигъ священный».
И молвилъ Елисей: «Въ тебѣ
Тотъ духъ, который обитаетъ,
Пусть на меня сойдетъ вдвойнѣ
И пусть со мною пребываетъ».
«О, труднаго желаешь, другъ,—
Сказалъ Илья,—но коль увидишь,
Какъ отъ тебя взять буду вдругъ,—
Получишь. Если не увидишь,
То не исполнится тогда
Твое желанье».

По дорогѣ

Шли, разговоръ ведя, когда,
О вѣчномъ, всемогущемъ Богѣ,
Вдругъ увидали, изъ огней
Съ небесъ несется колесница,
И пара огненныхъ коней,
Какъ будто пламенная птица.
И засіялъ весь небосклонъ.
Вдругъ вихрь начался могучий,
И пробѣжалъ въ пустынѣ стонъ,
Песокъ съ земли поднялся жгучий.
«Отецъ, воскликнулъ Елисей,
Израиля то колесница!
И конница среди огней
И свѣтлыхъ херувимовъ лица!»

Но въ вихрѣ трепетномъ огня,
Пророкъ Илья исчезъ въ просторѣ,
Въ сіяньи лучезарномъ дня,
Быль взять въ заоблачное море,
Въ страну любви, въ тотъ «Домъ Отца»
Быль принять Богомъ въ той отчизнѣ,
Гдѣ ждетъ насъ радость безъ конца
И откровенье новой жизни.
А духъ, почившій на Ильѣ,
Сошелъ на новаго пророка,
И Елисей крещень въ огнѣ
И пилъ изъ Вѣчнаго Потока.

Ты возвеселилъ меня, Господи,
твореніемъ Твоимъ; и я восхищаюсь
дѣлами рукъ Твоихъ.
(Пс. 91, ст. 5).

Великій Богъ,—Богъ Саваоѣ,
О Богъ Илья и Елисея!
Ты всѣмъ избранникамъ покровъ...

Передъ Тобой благоговѣя,
Читаю въ Тайной Книгѣ я
Твоихъ Израильскихъ пророковъ
Судьбину нашего бытъя,
И въ мірѣ скорбей и пороковъ,
Гдѣ долженъ духъ томиться мой,
Въ Твои я тайны проникаю
И слышу мощный голосъ Твой,
И новыя все открываю
Вершины мудрости Твоей
И милосердья океаны;
Когда вокругъ меня страстей
Ревуть и свищутъ ураганы
Одно желанье лишь мое:—
Да придетъ Царствіе Твое.

С.-Петербургъ,
Домъ Евангелія.